

А. И. Корсак

**МЕСТА МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
НА ВИТЕБЩИНЕ 1941 – 1944 гг.: К ИСТОРИИ ВОПРОСА¹**

События Великой Отечественной войны не отпускают нас и сегодня. Связано это в первую очередь с масштабностью трагедии в целом, и памятью населения Беларуси в частности. Фактически нет ни одной белорусской семьи, которой бы не коснулись бы 1941–1945-ые годы. Кто-то воевал на фронтах или в партизанских формированиях, а кто-то стал жертвой нацистской политики геноцида мирного населения Беларуси.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

Геноцид гражданского населения осуществлялся посредством карательных операций: сожжение населенных пунктов, в большинстве случаев с уничтожением и их жителей; акций по ликвидации еврейского населения и представителей других национальностей, проживающих на территории Беларуси, а также расстрелы узников лагерей, тюрем и т.д.

Акции массового уничтожения по своей сути уже подразумевает запланированность действий со стороны руководителей. Как правило, они не могут возникнуть стихийно.

Анализ архивного материала, в первую очередь документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению немецко-фашистских преступлений, позволяет исследователю условно типологизировать места массового уничтожения: *места сожжения мирного населения в ходе карательных операций* и *места массового уничтожения узников гетто, тюрем, лагерей смерти* и т.д. Следует отметить, что они, как правило, носят смешанный характер, а именно являются как местом уничтожения и захоронения как советских военнопленных, так и гражданских. Среди жертв карательных операций также фиксируется и личный состав партизанских формирований, которые были расстреляны и сожжены вместе с жителями сожженных деревень. На самом деле вопрос о местах массового уничтожения и их типологизации очень спорный и противоречивый.

Но почему получилось так, что исследования и восстановление имен и обстоятельств массового уничтожения и захоронения людей выпали из поля зрения общественности и государственных органов власти в послевоенное время? Ведь Беларусь потеряла каждого третьего, а Витебщина – каждого второго человека.

На примере Витебской области попробуем разобраться в вопросе. Обратимся к документам 40-х гг. и 1960-х гг., которые, на наш взгляд, стали определяющими в формировании политики памяти о погибших в плане учета, перезахоронения и установления памятников на могилах. При этом, обратим внимание на то, что с середины 1940-ых гг. – до конца 1950-ых гг. процесс увековечения памяти павших касался захороненных воинов Красной (Советской) Армии и советских партизан, а 1960-ые гг. – сохранения памяти жертв нацистского оккупационного режима через сбор информации о местах сожженных деревень, установку мемориальных досок и памятников и возведение мемориального комплекса «Хатынь», ставшего национальным символом белорусского народа.

Первое упоминание о местах захоронения мирных граждан в проанализированных нами архивных документах относится к районным архивам. Так, в докладной записке 1946 г. секретаря Кохановского РК КП(б)Б в вводной части документа упоминается в том числе и могилы мирного населения [1, Л. 31]. Но в самой текстовке документа не указано о конкретных действиях в отношении данного типа захоронений. Допустим, что они подлежали учёту и переносу, в этом случае из обобщенных данных по захоронениям в целом периода Великой Отечественной войны их невозможно выделить.

Далее, военным отделом Оршанского горкома КП(б)Б в августе 1946 г. в отчетном документе упоминаются и места захоронения «граждан замученных и расстрелянных» в г. Орша без конкретизации количества, расположения и т.д. Исходя из документов ЧГК г. Орша при обследовании обнаружено несколько могил жертв «зверств фашистского террора»: «в городском парке возле тюрьмы, на еврейском кладбище, на территории льнокомбината, мясокомбината, за Днепром возле д. Грязевка, в лесу по тракту Орша-Витебск в 4-х километрах от города Орши» [5, Л. 5].

На самом деле таких мест по всей территории Беларуси в целом, и Витебщины в частности, имеется достаточное количество.

Тем не менее, до 1948 г. в официальных документах государственных органов власти места уничтожения мирного населения не фигурировали. В постановлении Совета Министров того же года приводится только один пример «массовых захоронений зверски замученных немецко-фашистскими захватчиками мирных жителей, воинов Советской Армии и партизан», имеющий отношение к местам в М. Тростенец, Б. Тростенец, Масюковщина, Уручье и др. [8, с. 57].

Начиная с 1955 г. в документах ЦК Витебского облсовета депутатов трудящихся внимание обращено на благоустройство не только могил воинов Советской Армии и партизан, но и мирного населения, погибшего в годы Великой Отечественной войны [4, Л. 73–74]. Но по-прежнему имеется информационный вакуум в самом наполнении документов. Это не дело облсоветов, кабинета Министров этим заниматься.

В начале 1960-ых гг. в документах появляется конкретизирующая информация о жертвах нацистского оккупационного режима. Так, Витебский облвоенкомат 16 февраля 1961 г. рапортовал о наличии на территории Витебской области 657 мест захоронений, в которых, в том числе, захоронено 75 777 человек мирных жителей и военнопленных (эти две категории составляют 68 % от общего числа захороненных – *А.К.*) [2, Л. 1–5]. В тоже самое время из докладной записки о проделанной работе по увековечению памяти советских воинов, партизан и мирных граждан, погибших на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны, следуют те же данные, указанные облвоенкоматом в февральском документе. Но имеется приложение с кратким описанием памятного места.

В целом по области обозначены только две братские могилы в г. Витебске – территория «бывшего 5-го железнодорожного полка» и «район бывшего кирпичного завода», где захоронено в первом случае 76 000 военнопленных и 4000 гражданских лиц, во втором – 62 000 партизан и населения, имевшего связь с партизанами [2, Л. 32]. Если следовать логике властей, то суммируя получаем 142000 человек, что никак не соотносится с цифрой в 75 777.

Постановление Президиума ЦК КПБ от 8 мая 1964 г. «О 20-й годовщине освобождения Белорусской ССР от немецко-фашистских захватчиков» знаменует собой новый виток в политике сохранения памяти о погибших на

территории Беларуси в целом и на Витебщине в частности. В документах местных органов власти обращается внимание на факты выявления, дополнительно к ранее имевшимся, о воинских кладбищах, братских и отдельных могил воинам и партизанам. Так, на территории Витебского района поставлено на учет 8 мест массового захоронения гражданского населения, в которых захоронено 6962 человека [3, Л. 38]. Но при этом олокации мест информации не имеется.

Несмотря на декларирование в названии документов памяти жертв среди мирного населения, погибшего в годы Великой Отечественной войны, учет и благоустройство данных мест захоронения не велся. Содержание распоряжений, докладных, отчетов и т.д. относится только к братским и отдельным могилам воинов и партизан. А к павшему мирному населению не относится. Данный факт подтверждают строки письма министра культуры БССР, адресованное секретарю ЦК КПБ П.М. Машерову от 30 декабря 1965 г.: «... имеется ещё много знаменательных мест: мест боевых действий партизан и воинских частей с немецкими захватчиками, мест массового захоронения жертв фашизма, сожженные деревни и люди, которые до сих пор не изучены и не увековечены» [8, с. 148].

В том же письме в целях увековечения памяти жертв фашизма и сожженных деревень (при перечислении стоят на первом месте – *А.К.*), воинов и партизан и т.д. предлагается, в том числе, выявить все населенные пункты, полностью сожженные во время карательных операций, с установлением имён их жертв [8, с. 148], а также на местах концлагерей и местах массового уничтожения и захоронения жертв фашизма установить памятники, обелиски или мемориальные доски с указанием количества жертв [8, с. 149].

Начиная с 1965 г. политика памяти в отношении всех погибших, и военных (включая партизан) и гражданских, в годы Великой Отечественной войны изменяется. Несомненно, воинские кладбища, братские и индивидуальные могилы воинов Красной (Советской) Армии и партизан не выпадают из поля зрения. Имена будут восстановлены, а надгробия будут содержать сведения о погибших. Но теперь первостепенное значение приобретают места памяти сожженных деревень и их жертв. Для этого в первое полугодие 1966 г. планировалось отправить 100 – 150 историков и поисковиков во все районы БССР.

Последующие документы говорят о том, что до 1967 г. необходимо завершить сбор информации об уничтоженных нацистскими оккупантами населенных пунктах и увековечении памяти о местах захоронений мемориальными знаками и т.д. [8, с. 151]. Сельские, городские и районные органы власти провели такую работу.

Еще один пример – докладная записка председателя Мосарского с/с Ушачского р-на о наличии в д. Губенко (Губинка)¹ могилы, «где зверски замучено и расстреляно 16 мирных граждан и партизан» [7, Л. 68]. При этом уточняется, что до этого времени «не восстановлены памятники или обелиски» по причине отсутствия средств в сельском совете [7, Л. 68]. При сопоставлении источников различного происхождения выявлено следующее: 22 апреля 1944 г. во время карательной экспедиции «... гитлеровцы расстреливали убегающих... 14 человек», далее трупы были сожжены в горевшем доме [6, Л. 226об]. На момент декабря 1966 г. место захоронения жертв нацизма было выявлено, о чем свидетельствует приведенная информация. В базе данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» данный населенный пункт и факт уничтожения мирного населения отсутствует. И на момент 2014 г. могила в д. Губинка не учтена (не паспортизирована) как место захоронения мирного населения. Вероятно, информация о местонахождении могилы со временем утрачена.

Таким образом, места массового уничтожения (захоронения) требуют тщательного и осторожного подхода в решении вопроса сохранения памяти о жертвах нацизма.

Документооборот, связанный с увековечением памяти погибших в годы Великой Отечественной войны, в частности на территории Витебской области, фиксирует один важный момент, на который следует обратить внимание. А именно то, что места массового уничтожения мирного населения не подлежали процессу перезахоронения. Причиной этому, является, на наш взгляд, масштабность как по количеству захороненных, так и по территории захоронения. В то время как братские и индивидуальные могилы воинов Красной Армии и партизан с конца 1940-ых – включая 1950 ые гг. Укрупнялись посредством переноса их в выделенные для этого места, как правило, в центре населённого пункта. Т.к. Места уничтожения, соответственно и захоронения, мирного населения и советских военнопленных не подлежали послевоенному процессу перезахоронения, то это способствует определению их локации (по более ранним документам, к примеру, ЧГК) и постановки на государственный учёт.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАВО. – Фонд 1п. Оп. 1. Д. 476.
2. ГАВО. – Фонд 1п. Оп. 2. Д. 654а.
3. ГАВО. – Фонд 1966. Оп. 6. Д. 12.
4. ГАВО. – Фонд 1966. Оп. 12. Д. 427.
5. ГАРФ. – Фонд 7021. Оп. 84. Д. 10.
6. ГАРФ. – Фонд 7021. Оп. 92. Д. 223.

¹ Согласно данным карты Генерального штаба Красной Армии от 1942 г., документам ЧГК по Ушачскому р-ну и по данным 1966 г. фиксируется название «Губенка». На сегодняшний момент населенный пункт «Губенка» пишется как «Губинка».

7. ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 524. Оп. 1. Д. 1.

8. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / ред.кол. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 302 с.